

НИКОЛАЙ А. БАСКАКОВ

Слово о полку Игореве и древние тюрки Восточной Европы (XI–XII в.в.)

Исторические условия создания драгоценного памятника древне-русской литературы — *Слова о полку Игореве* — характеризуются не только сложными отношениями древнерусских князей между собой, но и не менее сложными связями их с соседними народами и племенами и в первую очередь с черноклобуцкими и половецкими племенами XI–XII в.в., одному из эпизодов борьбы с последними, т.е. с половцами посвящено и само *Слово*.

Если исторические отношения между собой древнерусских князей этой эпохи уже хорошо известны и представляются относительно ясными в *Слове*, то связи древнерусских княжеств с соседними народами и племенами, получившие также некоторое отражение в *Слове*, пока остаются слабо изученными.

Между тем взаимодействие древнерусских и древних иранских, финно-угорских и тюркских племен, их культур и языков возникло еще в глубокой древности. Уже в первые века нашей эры древнерусские племена в Восточной Европе тесно соприкасались с одним из самых значительных союзов племен — гуннами (хунну), в состав которых входили, как славянские, так и древние финноугорские, иранские и тюркские племена.

Однако наиболее длительное соперничество между древними народами Восточной Европы вплоть до XIII века сохранили древнерусские и древнетюркские народы и племена.

После окончательного распада гуннской империи (хунну) в IV в. н.э. древнетюркские племена консолидировались в несколько племенных союзов: аваров, сабиров, хазаров и булгаров, из которых наиболее длительными, оставившими глубокие следы во взаимодействии с древнерусскими племенами, были союзы булгар и особенно хазар.

Летописные источники свидетельствуют о том, что еще в 865 году при передаче Рюриком Киева в управление легендарным Аскольду и Диру,

жители города платили дань хазарам и только после того как Олег († 913) объединил в единый союз славянские племена: полян, полочан, горян, древлян, бужан, волынян, кривичей, северян, радимичей, вятичей, а также не славян — мерю, чудь, дулебов, тиверцев и др. племена, древнерусское государство постепенно освобождается от хазарского владычества. Но уже в 889 году появляется новая тюркская волна кочевников печенегов, с которыми вновь создались сложные древнерусско-тюркские отношения. В 920 году князь Игорь Рюрикович (Отважный) (913–945)* привел печенегов войной в покорство, но в 967 году в княжение Святослава Игоревича (Храброго) (955–972) печенеги вновь осадили Киев, но были также разбиты Святославом, которому в 972 году отомстил печенежский князь Куря, взяв его в плен, отрубив ему голову и сделав из черепа чашу с надписью «чужого ища свое потерял» (Нехачин, 1809, с. 59). В 978 году печенеги покорились князю Ярополку Святославовичу (Братоненавистливому) (972–980), к которому перешел служить печенежский князь. Союз древнерусских князей с печенегами продолжался и при Владимире Святom (Великом) (980–1015). Известно, что при крещении Руси в 988 году присутствовал печенежский князь Метеган~Метигай (ПСРЛ, IX, с. 57), хотя в 922, 996, 1014, 1020 г.г. печенеги продолжали свои набеги вплоть до 1036 года, когда они, в княжение Ярослава Владимировича (Славного) (1017–1054), окончательно потеряли свое значение, уступив новым тюркским соперникам древнерусских князей — своим соплеменникам торкам (~узам ~гузам ~огузам) и позже кыпчакам половцам.

Набеги печенегов, равно как и более поздних кочевников торков (огузов) и половцев (кыпчаков), не носили характер больших походов, имевших своею целью покорение всех древнерусских князей и скорее представляли собой нападения с целью захвата добычи в виде различных ценностей — трофеев и пленных, а иногда и нападений спровоцированных междуусобиями самых древнерусских князей.

Печенеги и племена торков (огузов), известных по русским летописям как под названиями мелких родоплеменных подразделений: ковуев, берендеев, турпеев, каепичей, боутов (~могутов), так и под обобщающим названием торков или черных клобуков (т.е. «черных шапок», вероятно по названию одного из крупных огузских племен *Qarabörkli* букв. «имеющие черные шапки»; ср. более поздние родоплеменные объединения под названием: карапахов на Кавказе или каракалпаков — в Средней Азии), представляли собой пришедших в Восточную Европу с Востока северным путем по отношению к Каспийскому морю, одновременно с огузскими же племенами пришедшими южным путем, т.е. южнее Каспийского моря,

* В скобках даны годы княжения данного князя, а также древние по преданиям народные эпитеты-прозвища князей.

и образовавшими позже Сельджукский союз, а затем Османскую империю в Малой Азии.

Позже, после 1036 года, т.е. после окончательного покорения печенегов князем Ярославом Владимировичем, отдельные племена их, а также торков — черных клобуков, сохранили свои названия мелких своих подразделений: берендеев, ковуев, турпеев, каепичей, боутов (~ могутов), узов и проч., которые известны нам по русским летописям и византийским источникам, а еще более мелкие названия: могутов, татранов, шельбиров, топчаков, ревугов, ольберов — по *Слову о полку Игореве*.

Эти родоплеменные подразделения торков или черных клобуков имели некоторую самостоятельность, жили отдельными поселениями, главным образом на Киевщине и Черниговщине и иногда выступали в союзе с тем или иным древнерусским князем в качестве войсковых соединений, как это видно также и из текста *Слова*: «А уже не вижу власти сильного и богатого и многовая брата моего Ярослава с черниговскими былями, съ могуты, и съ татараны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы, тии бо бесь щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побеждають».

Из наиболее известных собственных имен черноклобуцких князей — былей, возглавляющих тот или иной род встречающихся в древнерусских летописях можно указать на следующие: Азгулуй (ПСРЛ, II, с. 250 — 1086 г.); Каракоз Мнюзович (ПСРЛ, II, с. 501 — 1159 г.); Контувдый ~ Кунтувдей (ПСРЛ, II, с. 629, 668, 675 — 1183, 1190, 1192 г.г.); Кулдюр (ПСРЛ, II, с. 629 — 1190 г.); последние два князя Кунтувдый и Кулдюр — участники похода князя Игоря Северского в 1183 г. Мнюз (ПСРЛ, II, с. 501 — 1159 г.); Моначук Чагрович (ПСРЛ, II, с. 536 — 1169 г.); Сатмаз (ПСРЛ, II, с. 501 — 1159, 1163, 1180 г.г.); Тудор ~ Тотур (ПСРЛ, II, с. 501, 623 — 1159, 1160 г.г.); Чагр ~ Чагры (ПСРЛ, II, с. 536 — 1169 г.); Чекман ~ Чекъман (ПСРЛ, II, с. 536 — 1169 г.); Чурнай ~ Чорнай (ПСРЛ, II, с. 669 — 1190 г.) и др.

Черноклобуцкие князья имели тесные связи с древнерусскими князьями. Многие из них были на службе у русских князей, примером этого служит Кочкар (~ Кочкаръ) — знатный быля ковуев, который был советником Святослава Всеволодовича Чернигорского (Тарасов, 1954; Рыбаков, 1972). Кстати по мнению некоторых исследователей (Тарасов, 1954) Кочкаръ якобы был и автором *Слова*. Черноклобуцкие роды половцев, а в некоторых русских княжествах составляли значительную часть населения.

Наконец, последней волной кочевников, надвигавшихся с Востока были кыпчаки — половцы русских летописей.

Если основные массы хазаров (в части потомков которых историки и лингвисты видят современных караимов) и болгаров (некоторые племена

которых сохранились в современных чувашах), были ассимилированы последующими родоплеменными союзами сначала печенегами, а затем торкскими, огузскими племенами, то половцы, в состав которых частично вошли все предшествующие им племена, были последней волной тюркских кочевников, пришедших с Востока до Монгольского нашествия. Они стали общим этническим субстратом для современных татар, башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев, крымских татар, кумыков, карачаево-балкарцев и других тюркских племен.

В Домонгольский период древняя Русь наиболее тесные исторические связи имела главным образом с торкскими, огузскими племенами и кыпчакскими племенами половцев (~ куманов). Следует отметить, что половцы не были однородны, как в отношении своего этнического состава так и в отношении особенностей языка. Они составляли по существу две основные группы, два крыла. Первое крыло донецких половцев с господствующими кыпчакскими родами, возглавляемыми к походу Игоря ханом Кончаком и второе крыло — днепровских половцев с значительной прослойкой черноклобуцких родоплеменных объединений, во главе с ханом Гзаком.

До похода Игоря Северского (1185) наиболее тесные связи у древнерусских князей были с днепровскими половцами, представлявшими собой смешанные с черноклобуцкими родами родоплеменные группы с племенными кыпчакскими диалектами с значительным огузским влиянием. Наличие двух групп диалектов: кыпчакского и смешанного огузо-кыпчакского отражено и в более позднем памятнике половецкого языка *Codex Cumanicus* -е, относящемся, как известно, уже к посмонгольскому периоду. Любопытно, что и тюркские лексические элементы, попавшие в *Слово о полку Игореве* отражают главным образом именно эти огузо-кыпчакские черты.

Поход Игоря Северского против половцев послужил импульсом к объединению днепровских и донских половцев под единой ханской властью Кончака. Уже против Игоря в 1185 году выступили объединенные силы половцев: днепровских во главе с Гзаком и донецких во главе с Кончаком. При чем пленение Игоря Кончаком свидетельствует о том, что битва, решившая участь Игоря, происходила на территории донецких половцев. Однако окончательно это объединение всех половцев не было реализовано из-за Монгольского нашествия.

Из половецких князей наиболее близкими родственниками и свойственниками древнерусских князей и в том числе Игоря Северского были следующие: Аепа (ПСРЛ, I, с. 250, 282; IX, 141 — 1107 г.) — тесть Юрия Долгорукого; Беглюк (ПСРЛ, II, с. 641 — 1169, 1185 г.) — тесть Рюрика Ростиславовича, соправителя Святослава в Киеве и отец Гзака; Гзак (ПСРЛ, II, 632, 641, 675 с. — 1169, 1185, 1193 г.) —

сын Беглюка, глава днепровских половцев в походе 1185 года; Елтут (ПСРЛ, II, с. 623 — 1185 г.); — брат Кончака, сын Отрака; Кончак (ПСРЛ, II, с. 623 — 1172, 1185, 1203 г.) — сын Отрака, внук Шароканя и тесть Владимира Игоревича, сына Игоря Северского, глава донецких половцев в походе 1185 года; Осалук ~ Оселук (ПСРЛ, I, с. 296, 395; II, с. 291 — 1127, 1183 г.) — тесть Олега Святославовича, Гориславича и прадед Игоря Северского; Отрак ~ Атрак (ПСРЛ, II, с. 716 — 1107 г.) — сын Шаруканя, отец Кончака и дочери Турандохты — жены Грузинского царя Давида Строителя; Сырчан (ПСРЛ, II, с. 716 — 1068, 1107 г.) — сын Шароканя, брат Отрака, дядя Кончака; Татур (ПСРЛ, II, с. 421, 623 — 1180 г.) — сын Кончака; Тугартак ~ Тугоркан (ПСРЛ, I, с. 226, 231; II, с. 222 и др. — 1096, 1098 г.) — тесть Святополка Исяславовича; Чугай (ПСРЛ, II, с. 421, 623 — 1180 г.) — сын Кончака; Шарукань (ПСРЛ, II, с. 716 — 1068, 1107 г.) — отец Отрака и Сырчана, дед Кончака.

Как видно из перечисления всех родственников, свойственников половцев, связи их с древнерусскими князьями были довольно тесными и та борьба между ними была часто обусловлена междуусобиями самих князей между собой.

Половецкие князья, также как и черноклобуцкие родовые вожди были, возглавляли семейно-родовые группы, которые были известны в древнерусских летописях и других источниках по именам старших в роде с прибавлением патримониальных частиц, исторически восходящих по мнению некоторых тюркологов к слову *oba* 'племя, род' (Zajaczkowski, 1949) а по мнению других к слову *apa* ~ *aby* 'старший брат', обращение к старшему в роде, например: Кулобичи (<*Qul oba* ~ *apa*), Токсобичи (<*Toqiz oba* ~ *apa*); Билуковичи, Атраковичи и проч. Подобные, семейно-родовые имена этого типа используются в летописях как обычные отчества, например Обовл Костукович, Козл Сотанович, Гза Билукович, Кобяк Карлыевич, Бегбарс Акочаевич и проч. Не исключена возможность контаминации фамильных окончаний русского *-ович* и половецкого *-obič*, где окончание *-č* ~ *-ič* возможно является общим по происхождению.

Семейно-родовые соединения половцев далее объединялись в родоплеменные крупные объединения, к которым, наиболее известным по летописям, относятся: Анджоглы, Бурджоглы, Дурут, Джузан, и проч., а их совокупность и представляла собой племенное объединение или союз всех половцев — кыпчаков (*Qurčaq* ~ *Quman*).

Из названий родов и племен черных клобуков, половцев и других народов в *Слове о полку Игореве*, кроме упомянутых выше черноклобуцких родоплеменных групп: могутов, татранов, шельбиров, ревугов, топчаков и ольберов, приведены следующие названия племен и народов, относящихся как к тюркским, так и другим этническим группам: хинова, тыл-

ковинъ, оварьскыя, угорскыи, косожьскыи, ятвязи, деремела, русский, латинскыи, ляцкыи, готьскыя, литва, нѣмцы, венедици, греци, морава, а из собственных половецких имен: Шароканъ, Кончакъ, Гзакъ, Кобякъ, Овлуръ и Баянъ.

Древнерусско-половецкие связи, начиная со второй половины XI века вплоть до Монгольского нашествия в XIII в. характеризовались, таким образом сложными отношениями с одной стороны борьбой между русскими князьями и половецкими ханами, а с другой борьбой русских князей между собой, в которую вовлекались также и половцы, призываемые русскими князьями против соперничающих русских же князей.

Первые серьёзные нападения половцев были в 1068 и 1071 г.г. в княжение Исяслава Ярославовича (Незлюбивого) (1055–1078) сына Ярослава Мудрого (Славного) (1017–1054), а в 1079 г. в княжение Всеволода Ярославовича (Тихого) (1078–1093) был убит половцами князь Роман Святославович (Красный) — племянник Всеволода Ярославовича и вместе с тем по замирении с половцами, после совместной победы над переяславскими торками Всеволод Ярославович взял себе в жены Анну дочь половецкого хана, которая была матерью его сына Ростислава Всеволодовича и мачехой Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125).

В последующие годы борьба между русскими и половцами продолжалась постоянно с переменным успехом для тех и других. В 1093 году первый набег половцев после смерти Всеволода Ярославовича, при княжении Святополка (Михаила) Изяславовича (Пылкого) (1093–1113) окончился победой половцев, но в последующие 1095–1096 г.г. в походе против половцев Святополка Изяславовича и Владимира Всеволодовича Мономаха, половцы потерпели поражение. В этом походе был убит половецкий хан Тугорхан, дочь которого, получившая при крещении имя Елены, была взята в жены Святополком Изяславовичем. В том же 1096 году половцы во главе с ханом Боняком напали на Киев, а в 1101 году был заключен кратковременный мир, который в 1103 году был нарушен нападением Алтун-опы и Урус-обы — ханов половецких, потерпевших поражение также от Святополка Изяславовича, который в тот же год победил и других своих противников—торков с печенегам.

В 1120 году нападение половцев было отражено Ярополком Владимировичем (Правдивым) (1132–1130) и Юрием Владимировичем Долгоруким (1154–1157) — сыновьями Владимира Мономаха.

В 1127 году в период борьбы между ольговичами и владимировичами половцы под предводительством Оселука пришли на Русскую землю по просьбе внука Оселука — Всеволода Ольговича (Высокомерного) (1139–1146), отец которого Олег Святославович (Гориславич) был женат на дочери Оселука, чтобы выступить против сыновей Владимира Мономаха—Мстислава Владимировича (Великого) (1125–1132) и Ярополка

Владимировича (Правдивого), но выступление это не состоялось.

В 1135 году Ольговичи вновь наняли половцев против Владимировичей, которые сожгли города, принадлежавшие Юрию Владимировичу Долгорукому. В 1137 году половцы выступили против Андрея Владимировича князя Переяславского.

В 1150 году половцы в союзе с князем Юрием Владимировичем Долгоруким должны были выступить против Изяслава Мстиславовича Постоянного (1146–1154), но опоздали и, ограбив Переяславль, удалились в свои земли, заключив позже мир с Андреем Юрьевичем Боголюбским (1157–1175). Союз половцев с Юрием Владимировичем Долгоруким был скреплен брачным союзом — женитьбой Юрия Долгорукого на дочери половецкого хана Аепы.

В 1154 году князь Глеб Юрьевич сын Юрия Долгорукого ходил войной вместе с половцами против Мстислава Исяславовича (Могутного) (1157–1157) был побит и бежал. В 1155 году половцы напали на владение Василька Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, а в 1166 году — на днепровских купцов, но были отогнаны Ростиславом Мстиславовичем (Набожным) князем Киевским (1157–1157).

В 1167 году Владимир Мстиславович (Мачешич) после смерти брата Ростислава Мстиславовича намеревался при помощи половцев быть князем Киевским, но князь Мстислав Исяславович (Могутный) отогнал и князя Владимира и половцев.

В 1169 году половцы напали на окраины Киева и разорили сёла. Князь Андрей Юрьевич Боголюбский (1157–1175) послал брата своего Михаила Юрьевича (Любомудрого) (1176–1177), который с большими потерями отразил нападение, отогнав половцев из пределов русской земли. В 1171 году половцы напали на Киев, пограбив многие села и деревни, но были также отражены и лишены награбленной добычи тем же Михаилом Юрьевичем.

В 1184 году половцы напали на Владимир, но Великий князь Всеволод (Дмитрий) Юрьевич, Большое Гнездо (1177–1218) при помощи ближайших князей победил половцев, взяв в плен 17 половецких князей и около 3.000 пленных.

В 1185 году был неудачный поход князя Игоря Святославича Северского вместе с братом Всеволодом Святославичем Буй-Туром, сыном Владимиром Игоревичем и племянником Святославом Ольговичем — героями *Слова о полку Игореве*.

Из краткого фрагментарного обзора древнерусско-половецких отношений вплоть до 1185 года, года похода князя Игоря видно, что они характеризуются не только военными столкновениями и походами, но и мирными союзами, нередко завершающимися брачными союзами между русскими князьями и половецкими ханами.

Часто из политических соображений в целях установления более тесных дружеских отношений между народами, государства скрепляли свою дружбу взаимными браками. Так известно, что византийский император Юстиниан Ринотмет вступил в брак с дочерью хазарского хакана; Ирина жена Константина IV была также хазаркой, а их сын Лев IV-й (775–780) имел прозвище Хазар и был женат на дочери хазарского хакана—Чичек. Более тесные брачные связи, как мы видим, были у русских князей с половцами, причем чаще, и это естественно, были браки русских князей на половчанках, чем половецких ханов на русских княжнах.

Так у Всеволода Ярославовича (Тихого) (1078–1093) сына Ярослава Мудрого (1017–1054) и внука Владимира Святого (Великого) (980–1015), после первой его жены — дочери византийского императора Константина Мономаха матери Владимира Всеволодовича Мономаха, вторая жена была половчанка Анна — мать другого сына Всеволода — Ростислава Всеволодовича и двух его дочерей Евпраксии и Ирины; у Святополка (Михаила) Изяславовича Пылкого (1093–1113) сына Изяслава Ярославовича Незлобивого (1054–1079), внука Владимира Святого, была супруга Елена — дочь половецкого хана Тугоркана, от которой были четыре сына: Мстислав, Исяслав, Ярослав и Брячислав и две дочери Сбыслава, бывшая за Болеславом Кривоустым, королем Польским, да Предслава — за Белем, королем Венгерским; у основателя Москвы Георгия (Юрия) Владимировича Долгорукого (1154–1157) сына Владимира Мономаха была первая жена — дочь Аепы хана половецкого, а вторая — Ольга княжна Греческая, от которых он имел сыновей: Ростислава, Андрея Боголюбского, Иоанна, Бориса, Глеба, Мстислава, Василька, Ярослава, Михайлу, Святослава и Дмитрия или Всеволода Большое Гнездо и двух дочерей, из коих одна была за Олегом, братом Игоря Святославовича, а другая — за князем Ярославом Владимировичем Галицким. Рюрик Ростиславович (1201–1204–1211) соправитель Святослава в Киеве был женат на дочери Беглюка, сестре Гзака половецкого хана и имел двух сыновей Ростислава и Владимира; Олег Святославович (Гориславич) Черниговский был женат первым браком на гречанке Феофании Музалон, а вторым браком на дочери половецкого князя Осолука ~ Оселука, которая приходится матерью Святослава Олеговича и бабушкой основных героев Слова — Игоря и Всеволода Святославичей. Следовательно князь Игорь Святославович по линии отца был внуком половчанки — дочери Осолука, т.е. правнуком половецкого хана Осолука.

Предполагается также, что Святослав Всеволодович Киевский и Ярослав Всеволодович Черниговский — внуки Олега Святославича (Гориславича), являются также внуками половчанки дочери Осолука; наконец сын Игоря Святославича Северского Владимир Игоревич, как известно, женился в плену у половцев на дочери Кончака, а их сын Исяслав Владимирович

таким образом проходится одновременно внуком Игоря и Кончака (Нечачин, 1809; Baumgarten, 1927, Рыбаков, 1971).

Владимир Мономах по преданию хорошо знал язык половецкий, что не удивительно, так как мачехой его была половчанка; Андрей Боголюбский, женатый на болгарской царевне, был сыном Георгия (Юрия) Владимировича Долгорукого и половчанки дочери половецкого хана Аепы, она же была, таким образом, прабабушкой Александра Невского, правнука Юрия Долгорукого.

Тесное переплетение родословных отношений между русскими и половецкими князьями и прочные связи между их окружениями — родственниками и свойственниками влекли за собой и взаимное проникновение элементов духовной культуры, взаимодействие традиций и канонов в развитии эпического и сказочного жанров народного творчества (Робинсон, 1980).

Значительное влияние половецкое сказочное и эпическое народное творчество оказало и на формирование творчества автора *Слова* через половецкие сказания и эпические героические былины, передаваемые половецким окружением княжеского двора или семьи дружинника-аристократа, т.е. среды, из которой безусловно вышел автор *Слова*.

Проблема определения автора *Слова* неоднократно и многими учеными ставилась, но до настоящего времени не решена, во всяком случае исследователи не пришли к какому-либо общему решению.

Наиболее основательно и компетентно вопрос об авторе *Слова* был разработан Д. С. Лихачевым (1950,1 и 1950,2) и Б. А. Рыбаковым (1971, 1972), которые установили все основные признаки, определяющие автора и подвели итоги изучению этого вопроса.

Так большинство исследователей, на основании всех предшествующих гипотез и предположений различных ученых, определяют следующие основные признаки автора *Слова*: 1) принадлежность автора *Слова* к дружинному, рыцарскому слою или княжескому окружению; 2) широкая образованность автора *Слова*; 3) автор был опытным воином, знающим все виды оружия и военного снаряжения; 4) автор не был церковником, но напротив был смелым вольнодумцем, предпочитавшим языческие образы, наполняя поэму языческими божествами, что свидетельствует о его высоком социальном положении и принадлежности к привелегированному сословию; 5) автор обладал прекрасным знанием соколиной охоты и был любителем природы, анимистическое одухотворение которой было поднято им в поэме на поэтическую высоту; 6) он обладал большим литературным поэтическим талантом и был знатоком музыки (Кулаковский, 1977); 7) он владел знанием тюркского мира, а овладение им языком черных клобуков и половцев свидетельствовало о тесных и может быть родственных связях с торками или половцами.

Все эти основные признаки, характеризующие образ автора *Слова* в различной степени преимущества того или иного отдельного признака, были основой для различного рода гипотез о конкретном историческом лице, который мог бы быть реальным автором *Слова*.

Несмотря на всю тщетность такого точного определения автора *Слова*, всё же было высказано множество различных предположений о возможном конкретном создателе *Слова*, большинство которых справедливо отвергнуто критикой Н. П. Сидорова (1950) и Б. А. Рыбакова (1972).

Так, Н. Головин (1846) считал автором *Слова* — «премудрого книжника Тимофея», упомянутого в Галицко-Волынской летописи под 1210 годом. Е. Барсов (1837) считал Чернигов центром образованности в XII веке, а автором *Слова* человека черниговского происхождения, принадлежавшего к Киевской дружинной среде. И. Новиков (1938) утверждал, что *Слово* могло быть написано сыном тысяцкого Рагуила, шурином Овлура, плененным половцами вместе с князем Игорем (по Татищеву). А Югов (1945), ссылаясь на Галицкую летопись, видел в авторе *Слова* — «словутного певца Митуса» — епископского певчего и регента, упомянутого также в Галицкой летописи под 1241 годом. В. Ф. Ржига (1952) высказал гипотезу о том, что автором *Слова* был певец и песнотворец Святослава Всеволодовича из гусяров киевского дворца. С. Тарасов (1954) в своей статье привел предположение о том, что *Слово* было создано черниговцем Кочкаром — «знатным ковуем из рода Могутов, названного им на первом месте» в *Слове* при перечислении черноклобуцких родов. Кочкар (прозвище или имя < тюркск. Qoşqar ~ Qoşqar 'баран, бойцовый баран') — советник милостник Святослава Всеволодовича черниговского и княгини Марии Васильковны, боярин, о котором Б. А. Рыбаков пишет: «О Кочкаре мы знаем только то, что в 1180 г. Святослав замыслил захват Давыда Вышгородского во время охоты на Днепре сдумав с княгиней своею и с Кочкаремъ, милостьником своим и не поведе сего мужемъ своим лучшим думы своея» (Рыбаков, 1972, с. 395).

В. Г. Федоров (1956) считал, что автором *Слова* был дружинник Игоря, тысяцкий Рагуил, имя которого упоминается в летописи, использованной Татищевым. Однако в этой летописи, как указывает С. Тарасов (1954, с. 162–163), бежавшим из плена вместе с Игорем был не Рагуил, а его сын (сын тысяцкого Рагуила). Д. С. Лихачев (1950, 1961) пришел к выводу о том, что автором *Слова* мог быть народный певец, приближенный Святослава Киевского и Игоря Святославовича, представитель крестьянского народа. В. И. Стеллецкий (1965–1967), приводя ряд доводов, утверждает о черниговском происхождении автора *Слова*, тесно связанного с Ольговичами. Он считает его представителем древнерусской народности, хорошо осведомленном о черниговских черноклобуцких былях и о их

языке и называет его «Бояничем-черниговцем». Б. А. Рыбаков (1972) рассматривал сложные отношения между русскими князьями и определяя симпатии и антипатии их между собой с одной стороны, и анализируя характер и стиль языка летописцев того времени с другой, приходит к выводу о том, что автором *Слова* мог быть летописец Петр Бориславич — боярин великого князя Мстислава Исяславовича.

Существует и еще множество различных предположений об авторе *Слова* и в том числе о том, что автором *Слова* был сам князь Игорь Святославович (Кобзев, 1978), но видимо следует согласиться с И. П. Ереминым, который писал: «Вопрос о том кто именно написал *Слово*, вопрос праздный, ибо для решения его у нас нет никаких данных пока что, во всяком случае» (Еремин, 1948, с. 20).

Вместе с тем те основные признаки автора *Слова*, которые были установлены крупнейшими исследователями этого памятника Б. А. Рыбаковым и Д. С. Лихачевым, безусловно отражают основные черты свойств создателя этого замечательного древнерусского памятника литературы.

Слово, как литературное произведение, создавалось на основе современных автору событий с использованием исторических преданий и народного творчества русских и половцев. Живые картины природы и образные описания походов и битв говорят о непосредственном отражении в *Слове* личных впечатлений автора, хорошо знакомого с бытом, обычаями не только своих соотечественников, но и обычаями и языком соседних народов — узов (торков, турпеев, печенегов, боутов, берендеев, ковуев, каепичей) — черных клобуков русских летописей, а также и более поздних тюркских пришельцев — половцев с их вождями, племенами, их мифологией, народными представлениями и эпическими образами (Гордлевский, 1947).

Естественно, что тесные связи между древнерусскими княжествами с черноклобуцкими и половецкими родоплеменными объединениями, выражавшиеся и в воинских столкновениях и в брачных союзах, повлекли за собой и некоторое взаимодействие языков и эпического словесного народного творчества. Взаимодействие это выразилось в частности и в заимствовании половцами русской лексики и русскими — лексики языков черных клобуков и половцев.

Следы заимствования половцами русских слов можно отчасти проследить по известному памятнику половецкого языка послемонгольского периода — *Codex Cumanicus*-у, в котором встречаются такие заимствования как: *evangelim* 'евангелие'; *fanar* 'фонарь'; *izba* 'изба'; *kristian* 'крестьянин; христианин'; *laxan* 'лохань'; *lak* 'лак'; *peš* 'печь'; *rusi* 'русский'; *salam* 'солома'; *sunduk* 'сундук'; *limon* 'лимон' (Grönbech, 1942); некоторые из этих слов имеют иное первичное свое происхождение, например *laxan*

'лохань' — из персидского языка; *sunduk* 'сундук' — из арабского, но заимствованы они были безусловно через древнерусский язык.

Что касается заимствований в русском языке из половецкого и языка черных клобуков, то эти заимствования по существу являются ocasionальными, вызванными спецификой *Слова* как памятника, посвященного походу Игоря на половцев.

Список тюркизмов в последних исследованиях колеблется в пределах пятидесяти слов, которые тематически распределяются следующим образом: 1. Названия рек, городов и рельефа местности: Сула, Каялы, Тьмукторокань, яругы; 2. Названия птиц: кречеть, гоголь; 3. Названия растений: ковылыню; 4. Названия народов и племен и производные от них слова: хынови, тълковинь, оварьскыи, угорскыи, могуты, татраны, шельбиры, топчакы, реугы, ольберы; 5. Собственные имена: Шарокань, Кончакъ, Гзакъ, Кобякъ, Овлуръ; 6. Названия мифических и эпических персонажей: Боянь, Велесь, Дивъ, Бълванъ; 7. Социальная терминология: коганъ, быля, бояринъ, солтанъ, чага, кощей; 8. Военная и бытовая лексика: сабля, харалугъ, хорюгъвъ, чолка, кура, шереширъ, телега, орьтъма, япончица, женъчюгъ, ногата, котора, босый, багряный — всего 46 слов.

В последней своей работе К. Менгес приводит те же слова за исключением: кречет, гоголь, сабля, котора, кура, багряный, Велесь и Дивъ т.е. 38 слов, но с добавлением: Корсунъ, половецанин, сапог, Сурож, хотъ, т.е. всего 43 слова, а также 12 восточных слов неалтайского происхождения: Дивъ, Богъ, Стрибогъ, касожьскый, лада, мечъ, сабля, сани, тисовый, туга, туръ, Хърсь, из которых могли бы быть выделены, по нашему мнению, как слова, вошедшие в *Слово* через тюркские языки: сабля, повидимому тюркское слово и Дивъ — тюркское же слово, заимствованное из иранских языков. Кстати, следует отметить и неясность принципов К. Менгеса при выделении тюркизмов и слов не алтайского происхождения, так как в раздел заимствований из алтайских языков К. Менгесом включены также и слова явно не алтайского происхождения, например: бълванъ (персидск. *pahlavān* پهلوان); Влур ~ Овлур (<славянск. Лавр); жьньчюгъ (<китайск. *čžen-čžu*); коган <китайск. *ke-kuan*); ногата (<арабск. *noqd* نوقد); солтан (<арабск. *sultan* سلطان); шереширъ (<персидск. *tir-i čarx*). Если же эти заимствования считать тюркизмами, поскольку они были усвоены теми же половцами, то почему не считать тюркизмами иранское заимствование Дивъ (<персидск. *Div ~ dev* دیو) или общее урало-алтайское слово сани (<тюркск. *sana ~ šana*) и тем более сабля (<тюркск. *sabyluw ~ šabyluw*).

Что же касается остальных, перечисленных К. Менгесом слов восточного происхождения, то заимствование их происходило повидимому не из языков народов Востока, а из языков соседних иранских, славянских и германских. Из привлеченных автором слов восточного происхождения,

встречающихся в *Слове*: Кърсунь, половчанин, сапогъ, Сурож, хоть, богъ, Стрибогъ, касожьскый, лада, мечъ, сани, тисовый, туга, туръ, Хърсь (Менгес, 1979) 1) Слова Хърсь, богъ, Стрибогъ — иранского происхождения и заимствованы, судя по фонетическому их облику не через тюркские языки; 2) Слова же: сапогъ, лада, хоть, мечъ, туга, туръ, тисовый — не имеют убедительных этимологий, утверждающих их восточное происхождение, тем более, что и сам автор в отношении слов: лада, хоть, мечъ, туръ — отрицает это. Привлечение же подобных «восточных элементов» славянского, германского и проч. происхождения чрезвычайно расширило бы их состав в *Слове*.

Не убедительны, а иногда и фантастичны этимологии автора в отношении слов причисляемых им к тюркизмам, например Сурож <*Sudaq* как результат болгарского ротацизма, или Кърсунь, касожьскый и тем более древнерусское слово половчанин. Единственным из предложенных К. Менгесом восточных слов неалтайского происхождения может быть интерпретированным как именно алтайским — это слово сани. Наиболее фонетически близким соответствием русск. сани ~ санки является башкирск. *sana* 'сани', а также *sanu* 'лыжи, обитые шкурой'; ср. также основы фонетически и семантически связанные с данной основой: башкирск. *sanquj* 'перегибаться, загибаться (чаще о носке обуви)', *sanqa* 'перегнутый, загнутый' (БРС, 1958) поскольку лыжи и сани имеют выгнутые полозья. Все эти соответствия позволяют предположить о древнем заимствовании слова сани из языка болгар, косвенными наследниками которых являются башкиры. Семантическая близкость реалий сани и лыжи, а также фонетически общие основы слов иллюстрируются множеством соответствий из тюркских языков, а отчасти и из монгольских; ср. например *sana* ~ *šana* ~ *šana* 'лыжи' и *šanaq* ~ *šanaq* 'сани' — в диалектах языков Алтая (Вербницкий, 1884); хакасск. *šana* 'лыжи', *šanaq* 'сани' (ХРС, 1953); каракалпакск., ногайск., казахск. *šana* 'сани' (ККРС, 1958, НРС, 1963, КРС, 1954); монг. *sana* 'лыжи' (МРС, 1957).

Таким образом если слово сани не является собственно алтайским, то по крайней мере оно может быть отнесено к словам общего лексического слоя урало-алтайской семьи языков, заимствованным древнерусским языком из языка болгар, древних пришельцев в Восточную Европу. Впрочем же и само наличие слова сани в тексте *Слова* остается пока еще не достаточно доказанным.

Итак, количество тюркизмов в *Слове* весьма ограничено и как это видно из тематической их классификации, они относятся главным образом либо к терминологическим, либо к ономастическим заимствованиям. Из общего количества тюркизмов в *Слове* около пятидесяти слов, более половины относятся к собственным именам: этнонимам и титулатуре. Таким образом на остальную лексику приходится менее двадцати пяти слов, из

которых часть слов звннмает специальная воинская терминология и часть слов по своему значению связана с воинскими походами, что позволяет сделать общий вывод о весьма незначительном и окаиональном влиянии огузо-половецкого языка на язык *Слова*, памятника отражающего необычайное богатство и образность древнерусского языка, незначительные же тюркские лексические включения выражают художественный прием автора *Слова* и служит как бы образными иллюстрациями тех событий, котоным посвящено *Слово*.

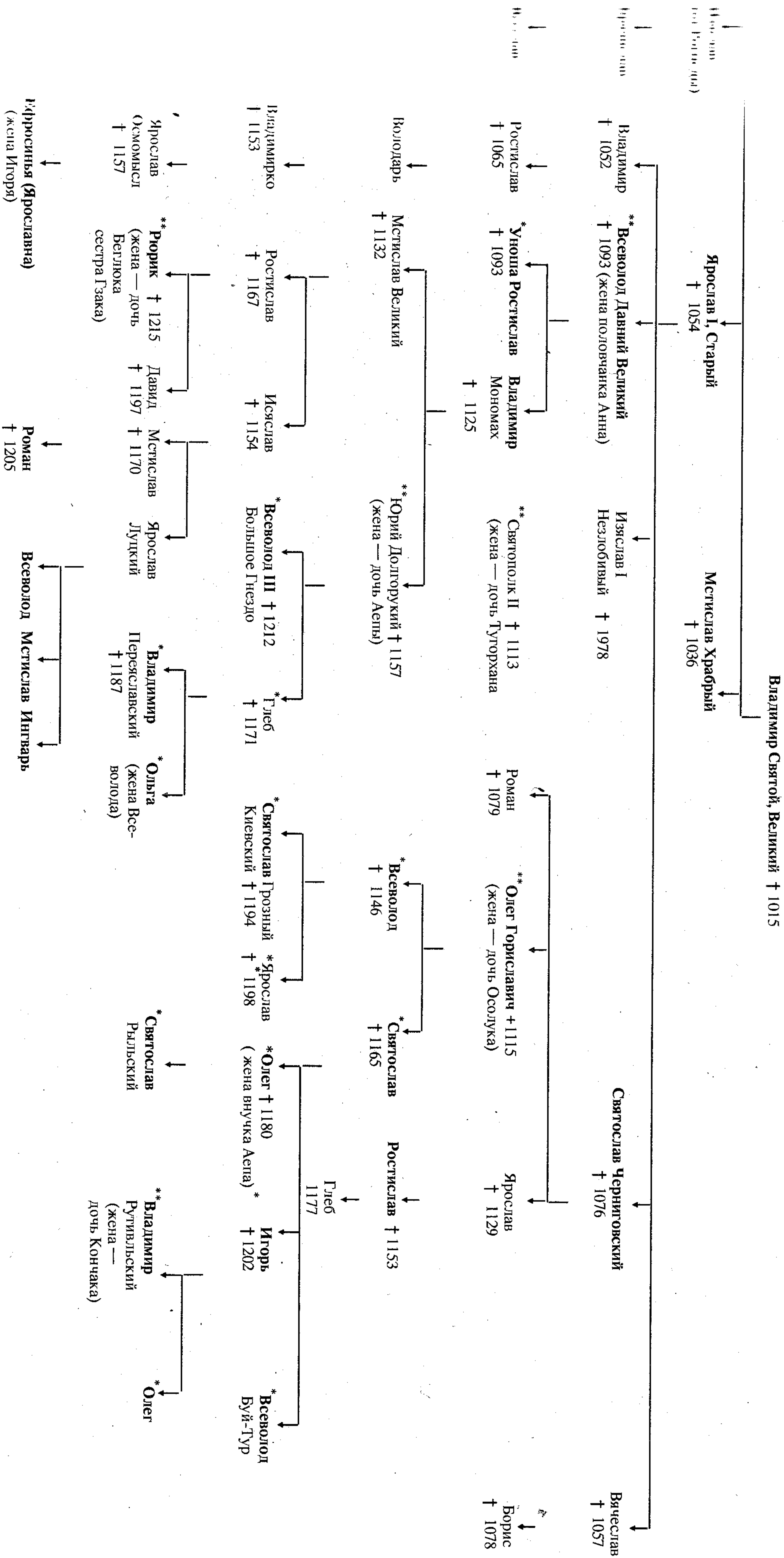
Первый общий обзор тюркизмов в *Слове* был в свое время дан ф. Эрдманом (1842) еще в первой половине XIX в., но научное и относительно полное изучение принадлежит П. М. Мелиоранскому (1902, 1905) и Ф. Е Коршу (1903, 1906), полемика которых о значениях, этимологиям и происхождении тюркизмов была продолжена позже в 40-вых годах С. Е Маловым (1946), В. Ф. Ржигой (1947), А. Зайончковским (1949) и К. Г. Менгесом (Menges, 1951). Наконец, к последним специальным статьям и исследованиям тюркизмов в *Слове* следует отнести работы: В. А. Гордлевского (1961), Н. А. Баскакова (1985), Н. Н. Поппе Мл. (Porre Jr., 1971, 1984 а, 1984 б), К. Г. Менгеса (1979) к др.

Кроме того отдельным тюркизмам *Слова* посвящены статьи: В. В. Данилова (1950), Л. А. Дмитриева (1953), Д. Д. Мальсагова (1959), И. Г. Добродомова (1972, 1978), А. Н. Кононова (1976), Л. А. Мея (1911), А. И. Попова (1969, 1972), С. Сабинина (1837), А. И. Соболевского (1929), В. К. Трутовского (1913), А. Х. Шиловского (1958) и многих других исследователей как тюркологов так и не тюркологов, косвенно касающихся тюркской лексики в *Слове* в своих работах.

Все основные монографические исследования и статьи тюркологов не допускают никаких сомнений в том, что тюркская лексика, встречающаяся в *Слове* хронологически относится к тюркским языкам племен домонгольского периода. Отсутствие в *Слове* анахронизмов, которые могли бы быть отнесены к послемонгольскому периоду, и которые наличествуют в известном памятнике половецкого языка *Codex Cumanicus*-е или в более поздних памятниках древнерусской литературы, например в «Задоньщине». Ср. тюркизмы *orda* 'орда', *qatuna* 'жена, женщина' и др., а также самый характер языка тюркизмов *Слова*, что видно из фонетических и грамматических особенностей заимствованных тюркских слов в *Слове*. Ср. например начальный звонкий согласный в имени половецкого хана *Gzaq* ~ *Gza* 'Гзак', наряду с *Qoza* ~ *Qza* или в названии птицы *gögöl* 'гоголь'; начальный *J* конечный *γ* и *и* второго слога в тюркизме *jaryu* 'яруг, овраг', вместо кыпчакского *džaryq*; начальный *j* в тюркизме *japončica* 'япончица, епанча', а также в перечислении черноклобуцких родовых объединений:

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА

князей, упоминаемых в *Слове о полку Игореве*

Примечание: Таблица приведена из книги: Н. Тихонравов, *Слово о полку Игореве* М. 1968, издание под редакцией Н. Тихонравова, с указанием на родственные отношения русских князей с половцами: * — указание на брачный союз с половчанкой; ** — указание на родственные связи с половцами. В некоторых случаях отмечены имена князей, упомянутых в *Слове*.

могуты, татраны, шельбиры, топчакы, ревуги, ольберы и проч. Все это говорит об отношении *Слова* к XII или к самому началу XIII века, т.е. во всяком случае к периоду до Монгольского нашествия, до 1237 года, а как указывается в самом *Слове*: «Почнемъ же братие повесть сию от старого Владимира до нынешнего (подчеркнуто нами) Игоря..., вероятнее всего, что *Слово* было создано еще при жизни самого Игоря Святославовича (Тихонравов, 1868, с. 27) т.е. до 1202 года (смерти Игоря).

Смешанный характер кыпчакских (половецких) и огузских (черноклобуцких) элементов в заимствованной лексике *Слова* виден также и в смешении тех же элементов в описании природы с божествами и духами, управляющими ею и в характеристике социального строя описываемых в *Слове* народов.

Особенно ярко древность тюркизмов *Слова* по отношению к более поздним памятникам древнерусской письменности и литературы вообще видна, например в сравнении с тюркизмами, встречающимися в «Задонщине», как это в последнее время подтверждено рядом специальных исследований (Рорре Jr., 1984) и те попытки скептиков представить *Слово* как произведение в какой то степени зависимое от «Задонщины» являются совершенно несостоятельными (Зимин, 1966) и по выражению Р. Якобсона и Н. Поппе Мл. (Jakobson, 1966, Rorpe Jr., 1984) — *reductio ad absurdum*.

Итак, отмечая роль и характер ориентальных элементов в определении времени создания *Слова* — этого замечательного произведения древнерусской литературы можно с полной уверенностью утверждать, как это и не парадоксально, именно на материале самих тюркизмов об отношении *Слова* к XII веку, как памятника, созданного автором, имеющим широкое знакомство с традициями эпического творчества не только половцев, но и более ранних пришельцев в Восточную Европу огузских племен: торков, берендеев, ковуев, каепичей, боутов и других черноклобуцких родоплеменных объединений.

Как самый состав тюркизмов *Слова*, так и тюркологический их анализ в большей своей части является общим для всех исследователей тюркологов и только в некоторой своей части для некоторых отдельных слов и их форм — различным.

Подводя итоги анализа всех основных тюркизмов в *Слове* мы приведем ниже только свои гипотезы о происхождении каждого из них, исходя из тематических их группировок со ссылками на соответствующие специальные статьи, в которых дан полный анализ каждого тюркизма и приведены все существующие вероятные и маловероятные гипотезы его происхождения. Здесь же будут даны только указания на общепринятые этимологии, а также ссылки первичную этимологию тюркизма в тех случаях, когда она совпадает с этимологией предложенной автором данной статьи.

I. Тюркизмы—названия явлений природы, а также топонимы и гидронимы

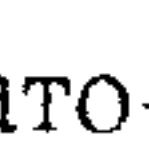
1. Яруг (яругы) 'овраги, расселины земли'—общепринятая и единая этимология *jaruq~jagu* + русский аффикс множественного числа -ы *яругы* — в значении 'овраги, расселины земли' (Мелиоранский, 1902). Фонетический облик слова характеризует его как заимствование из языка огузских племен торков, берендеев и проч. черноклобуских родоплеменных групп (Баскаков, 1985 а).

2. Ковыль (ковылу, ковылию) 'ковыль' *kögül ~ köwül* 'зеленоватый' (Баскаков, 1985).

3. Кречет (кречету) 'крупная хищная птица из породы соколиных <монгольск. *kyrčyt* 'ястреб' (Karłowicz, 1894, с.317) < чагатайск. татарск. *qarčyua* 'ястреб'.

4. Гоголь (гоголь) 'название птицы, мелкий нырок, селезень, снежный гусь' < чувашск. *kāvakal* 'утка ~ якутск *kögülläx* 'хохлатая утка, нырок, малая гагара, чубатка'—происходит из болгарск. чувашск. *kāvakal* < туркменск. *gö:gül* в других тюркских языках *gögül ~ kögül* 'зеленоватый, сероватый, сизый' < *kāvak* > *gö:k ~ kö:k ~ gök ~ kök ~ kük* 'зеленый, синий, сизый' + -ül -аффикс уменьшительной степени (Баскаков, 1985).

5. Бусый (босый, бусый) 'серый' < *boz ~ buz ~ bos ~ bus* 'серый' (Мелиоранский, 1902, 1905; Гордлевский, 1961).

6. Багряный (багряная) 'багровый, пурпуровый, червлёный' < тюркск. *baγur ~ baqur* 'медь' < арабск. *maḡar* красновато-коричневый (Lokotsch, 1927, Menges, 1959, Баскаков, 1985).

7. Каяла (Каялы) — название реки < *qajaq ~ qujaq ~ quja - qaja* 'травя с острыми краями, осока'+ -ly — аффикс обладания > *quja-ly ~ qaja-ly* 'обладающий травой с острыми краями' > название реки (Баскаков, 1985а).

8. Сула (Сула, Сулою, Сули)—название реки общепринятая этимология *suw* 'вода' + -laq (Менгес, 1979) + -ly (Баскаков, 1985 а) > *suw-laq ~ suw-ly* 'изобилующий водой' > название реки.

9. Тьмутаракань (Тьмоторокань) — название города < *temir* 'железо' имя собственное Темир + *tarhan* — звание, титул > *Temirtarhan* > Тьмоторокань (Корш, 1903, 1906), другая этимология < *Taman* 'Таманьский полуостров' + *tarhan* — титул (Менгес, 1979).

II. Тюркизмы — этнонимы

10. Хынови (хынови, хинова, хиновськыя) общепринятая этимология < *hyn* хынь — название древнего родоплеменного союза гыннов (хунну)

Соболевский, 1929); возможной этимологией является также < *xin* финн (Миллер, 1914), если иметь контексты в Слове: «...многы страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела..., а также... и въ морь Хинови погрузиста».

11. Тилковин (Тльковинъ, Тльковинъ, Тълковинъ) < *tıl qaγun ~ tıl qawun* 'истолкователь, переводчик', ср. туркменск. *tıl qaq-* 'дать понять, истолковать' + *-γun -wun* аффикс имени действующего лица < *tıl qaγun ~ qawun* 'тот, кто дает понять' (Баскаков, 1985).

12. Оварьские (Оварьскыя) — общепринятая этимология < *awar* 'авар' — название племени < *ava* 'противиться, сопротивляться' + *-r* аффикс имени действующего лица < *ava-r* 'мятежник' (Németh, 1940).

13. Угорские (Угорскыи, угорьскими) — общепринятая этимология < *oγur ~ oγuz* название племени болгар (Grousset, 1929).

14. Могут (могуты) < *bögü ~ mögü* 'сильный, герой мудрый' + *-t* — аффикс множественного числа < *bögüt ~ mögüt* название черноклобуцкого племени (Rásonyi, 1936), возможно, что могут *mögüt* — фонетический вариант названия того же племени — боут (Баскаков, 1985).

15. Татран (татраны) — название черноклобуцкого племени — общепринятая этимология < *tatyr-* 'давать пробовать' + *-γan-* — аффикс имени действующего лица < *tatyr-γan ~ tatyr-an* 'опытный советник, старейшина' (Rásonyi, 1936); возможна также этимология < *tatyr aη* 'страшилище, чудовище' (Баскаков, 1985).

16. Шельбиры (шельбиры ~ шельбиры) — название черноклобуцкого племени по имени собственному < *čelebi er* 'знатный человек' (Малов, 1946; Rásonyi, 1936).

17. Топчаки (Топчаки) — название черноклобуцкого племени по имени собственному < *tobičaq* 'красивый, статный' (Баскаков, 1982).

18. Ревуги (ревугы) — название племени по имени собственному < *er buγa* 'муж бык' (Rásonyi, 1936).

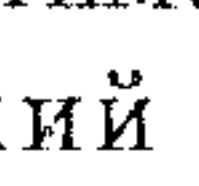
19. Ольберы (ольберы) — название племени по имени собственному < *alyp er* 'герой богатырь' (Rásonyi, 1936).

III. Тюркизмы — мифологические и эпические имена собственные

20. Велес (Велесь, Велесовъ) скотий бог, покровитель скота, скотоводов, скотоводства < болгарск., чувашск. *vul'ux* 'скот' + *-s'у* аффикс профессии *vul'ux-s'у* 'скотник, скотовод, относящийся к скотоводству' > Велес (Баскаков, 1985).

21. Баян (Боян, Баян) — эпический певец чагатайск., турецк., алтайск. *baj ~ bay-* ~ *baj ~ bay* 'заклинать, колдовать' ~ 'священный, запретный'

+ *-an* — аффикс имени действующего лица < *baj-an* ~ *boj-an* 'обаятель, знахарь, колдун ~ сказитель, певец' (Баскаков, 1985).

22. Див (дивъ) — добрый или злой дух — общепринятая этимология < персидск. *dīv* ~ *dev* в том же значении (Мелиоранский 1902, 1905).

23. Болван (бълван, бльванъ) 'идол, болван' — общепринятая этимология < персидск. *pāhlevan* , 'герой, витязь, силач, борец, палван' (Корш, 1903, 1906).

IV. Тюркизмы — собственные имена

24. Шарокань (Шароканъ) — имя половецкого хана < *čora* ~ *šora* 'сын богатыря, дружинник, соратник богатыря' + *han* 'хан, титул' > *Šora han* — собственное имя (Баскаков, 1985).

25. Кончак (Кончакъ) < *qoŋ* 'бедро' + аффикс *-čaq* ~ *qonč* голенище + аффикс *-aq* > *qoŋ-čaq* ~ *qonč-aq* 'набедренник, часть воинской защитной одежды' по аналогии: < *qol* 'рука' + аффикс *-čaq* ~ *qolč* + аффикс *-aq* > *qol-čaq* ~ *qolč-aq* 'нарукавник, часть воинской защитной одежды для рук'; ср. турецк. *kolçaq* диал. 'нарукавник' (Баскаков, 1985).

26.. Гзак (Гзакъ ~ Гза ~ Коза) — имя половецкого хана > *qozy* 'ягненок', ласковое обращение к ребенку > собственное имя или < *gözi aq* 'имеющий бельмо на глазу' (Баскаков, 1985).

27. Кобяк (~Кобякъ) — имя половецкого хана — общепринятая этимология < *köbek* ~ *köbäk* ~ *köböc* 'собака' (Мелиоранский, 1902).

28. Овлур (Овлуръ Влуръ) — имя половчанина, оказавшего помощь в бегстве Игоря—общепринятая этимология Лавр, собственное русское имя (Гордлевский, 1947).

V. Тюркизмы—социальная терминология

29. Коган (коганя) 'каган, хан'—общепринятая этимология < *qaγan*—титул главы государства древних тюрков < китайск. *ke* 'великий' + *kuan* 'правитель' > *ke-kuan* 'хан, каган' (Ramstedt 1955).

30. Быля (былями) — общепринятая этимология < *bojla* 'знатный родовой старейшина' (Мелиоранский, 1902, 1905; Плаутин, 1958).

31. Боярин (бояре) вельможа — общепринятая этимология < *bojla* 'знатный старейшина' + *er* 'муж' < *bojlaär* 'болярин, боярин' (Marquart 1914).

32. Салтан (салътани) — владетель, правитель' — общепринятая этимология арабск. *sultan* в том же значении (Мелиоранский, 1902, 1905).

33. Чага (чага) 'рабыня' — общепринятая этимология < половецк., новоуйгурск. *čaγa* 'ребенок, девочка рабыня' (Мелиоранский, 1902, 1905).

34. Кощей (кощей, кощя, кощиево) — плебей, пленный раб — общепринятая этимология < *qoš* 'кочевой обоз' + -*čy* — аффикс профессии > *qoš-čy* 'погонщик выючных животных' (Мелиоранский, 1902, 1905).

35. Кура (куръ) 'курень, постройка' тюркск. < *qora ~ qura* 'хлев, загон, загородка для скота, стена, постройка' (Мей, 1911).

36. Харалуг (харалужными, харалужныя, харалуже) — наиболее вероятная этимология < *qara-luy* 'сталь, металл, железо, подвергнутое закалке' (Мелиоранский, 1902, 1905).

VI. Воинска и бытовая лексика

37. Хоругвь (хорюговь) — общепринятая этимология < монг. тюркск. *oroγa ~ oroγu ~ horoγa* 'знамя' (Мелиоранский, 1902, 1905; Гордлевский, 1961).

38. Чолка (чрълена чолка) 'знамя, кисть на знамени' — общепринятая этимология < турецк., татарск. *çalqa-* 'двигать, трясти, полоскать' + аффикс имени действия -*w* > *çalqa-w* > русск. чолка (Менгес, 1979).

39. Котора (которою) 'ссора, распря, раздор' < казахск. *köter-* ~ татарск. *kütär-* 'поднимать' + -*üw* — аффикс имени действия > *köter-üw ~ köter-il-üw* 'восстание, мятеж, ссора'; ср. караклпакск. *köterilis* ~ киргизск. *kötörülüš* 'восстание, мятеж, забастовка, стачка' (Баскаков, 1985).

40. Сабля (сабли, саблямь, саблями) сабля (оружие) < *šab-yl-uw* ~ кыпчакск., казахск. *šab-yl-uw ~ sab-yl-uw* 'рубка сразмаху' адаптировано в польском > *šabla* в русском > сабля (Баскаков, 1985).

41. Шерешир (шерешеры) — метательное орудие — общепринятая этимология < персидск. *tir-i-šarx* 'снаряд, выбрасываемый катапультой' (Мелиоранский, 1902, 1905).

42. Телега (телегы) повозка, телега — общепринятая этимология < монгольск. *teelgeh* 'перевозить' тюркск., кумандинск. *tegil-ek ~ teg-(i)l-ek* 'колесо, круг' ногайск. *telegen arba* 'телега двуколка' (Баскаков, 1985, Менгес, 1979).

43. Орьтма (орьтьмами) покрывало — общепринятая этимология *ört-* 'покрывать' + *mä* — аффикс имени результата действия < *ört-mä* 'покрывло' (Мелиоранский, 1902, 1905).

44. Япончица (япончицами) плащ — общепринятая этимология < *jar-un-* 'покрываться' + -*ša* — аффикс (Мелиоранский, 1902, 1905). Аффикс -*ša* исторически восходящий к -*uš-a* (Менгес, 1979), вероятнее к -*adžaq*, поскольку в турецк. диалектах встречается два варианта этого слова

jarundžu и *jarunčaq*; ср. аналогичные образования в азербайджанском *döşan-adžaq* 'подстилка', *gej-in-ačaq* 'одежда' и т.п. (Баскаков, 1978).

45. Жемчуг (женчюгъ, жемчужну) — общепринятая этимология < китайск. чжень-чжу (Мелиоранский 1902, 1905).

46. Ногата (ногате) — общепринятая этимология *naqt ~ naht* < арабск. *naqd* نقد 'наличные деньги' (Мелиоранский, 1902, 1905).

Выше перечислены все встречающиеся в *Слове* тюркизмы, как собственно тюркского происхождения, так и тюркизмы иного происхождения вошедшие в древнерусский язык через тюркские языки, а также их этимологии, с указаниями на их авторов, которые, по нашему мнению являются наиболее приемлемыми.

Некоторые исследователи иногда бездоказательно, а иногда с приведением недостаточно убедительных доказательств привлекают некоторые слова, считающиеся по их мнению тюркизмами, но при ближайшем рассмотрении эти слова не могут считаться тюркскими заимствованиями, как это и было указано выше.

Некоторой невнимательностью можно объяснить также допущенные погрешности в этимологизации тюркизмов в *Слове* тюркологами, так сказать, *ad hoc*. Так, например в последнем сборнике, посвященном *Слову* (1988) В. Э. Орел при определении значения тюркизна *куръ* ссылаясь на известный словарь Дж. Клоусона (Clauson, 1972) обосновал этимологию этого тюркизма не первым, как это следовало бы, корнем *kur* I 'belt, girdle, the gerth round a yurt' с основным значением «пояс, окружение, ограда», а вторым омонимичным корнем *kur* 2 'rank, stage' с основным значением «ряд, ранг, чин, сан, звание», приведя в качестве иллюстрации словосочетание из чагатайского языка в переводе — «ряд кирпичной кладки», в котором слово *kur* «ряд» вне этого контекста не имеет никакого отношения к какой либо постройке, а следовательно и не может быть основой для этимологизации *куръ* как «ограда, строение».

На той же странице 138 слово *qurvi* (правильно *qurvi*) с тем же значением «ранг, чин, сан» переведено В. Э. Орлом как «балдахин», в то время как в Древнетюркском словаре в сочетании, на которое он ссылается *qurvi čuvač* ханский (букв. имеющего высокий сан) балдахин значение «балдахин» имеет не слово *qurvi* в этом словосочетании, а слово *čuvač* (ДТС, с. 157).

Не имеет исходное значение «пекарня» и тюркское слово *курень* как утверждает тот же автор на с. 137. Слово *курень* происходит от другого тюркского корня *küre-* «грести землю, делать земной вал, стену», а в дальнейшем развитии значений этой основы в соответствующих словообразовательных моделях > «загон для скота, > юрты в степи, построенные по кругу > изба» в этом последнем значении употребляется у татар, как свидетельствует В. В. Радлов (*Опыт словаря...*,

с. 1452, т. 2) и только в Астраханской губ. курень « изба, в которой татары пекут хлеб, пекарня».

Кстати, в этимологиях половецких слов следует опираться не на восточные тюркские языки (чагатайский, древнетюркский и др.), а на западные языки и в первую очередь на язык самих половцев ср. *qur-* «обставлять, устраивать» (Grönbech, 1942, 203) или на языки их наследников — казахов, каракалпаков, карачаево-балкарцев, ногайцев и других тюркских народов-кыпчаков.

Из 45–50 тюркизмов, встречающихся в *Слове* только около 20 имеют общепринятые этимологии. К последним относятся слова: яругы, босый ~ бусый, оварьскыи, угорскыи, Кобякъ, Овлуръ, Влуръ, Сула, быля, солтанъ, коганъ, бояре, чага, кощей, чолка, шереширъ, телега, орьтма, женьчюгъ, ногата, япончица. Все остальные остаются пока спорными, хотя и являются вместе с тем доказанными тюркскими заимствованиями и именно заимствованиями, относящихся к XI–XII в.в., что подтверждается всеми исследователями, как тюркологов, так и подавляющим большинством специалистов древнерусской литературы, и как не парадоксально именно тюркизмы *Слова* оказались одним из многих объективных и вместе с тем весьма важных доказательств древности *Слова*, его отношения к произведениям древнерусской литературы домонгольского периода.

Дальнейшее изучение *Слова*, привлечение новых источников и материалов, и в частности реализация создания корпуса древнерусских сообщений, посвященных тюркским народам — Ruthen-Turcica (Дашкевич, 1984), хотя бы в хронологических рамках до середины XIII века, т.е. до Монгольского нашествия, позволят надо надеяться, расширить кругозор исследований, касающихся народов Восточной Европы и прийти к окончательному решению как проблемы всех сложных отношений народов Восточной Европы, так и проблемы тюркизмов в *Слове*.

Литература

- Барсов Е. В. *Слово о полку Игореве как художественный памятник киевской дружинной среды*, М. 1887.
- Баскаков Н. А., *Тюркская лексика в Слове о полку Игореве*, М. 1985.
- Башкирско-русский словарь* под ред. К. З. Ахмерова и др., М. 1958.
- Вербицкий В., *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка*, Казань 1884.
- Головин Н., *Примечания на Слово о полку Игореве*, М. 1846.
- Гордлевский В. А., *Что такое «босый волк»?», Известия ОЛЯ*, т. 6, вып. 4, М. 1947; *Избранные сочинения т. II*, М. 1961.

- Данилов В. В., *Заметки к тексту Слово о полку Игореве*, в. кн.: *Слово о полку Игореве Сб. исследований и статей*, М.-Л. 1950.
- Дашкевич Я., Ruthen-Turcica, «Советская тюркология», 1985, № 3.
- Дмитриев Л. А., *Глагол каяти и река Каяла в Слове о полку Игореве*, «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР», т. 9, Лнгр. 1953.
- Добродомов И. Г., *Происхождение названия Тьмуторокань*, в кн.: *Диалекты и топонимы Поволжья*, И, Чебоксары 1972.
- Добродомов И. Г., О половецких этнонимах в древнерусской литературе, в кн.: *Тюркологический сборник*, 1975, М. 1978., *Древнетюркский словарь*, М. 1969 (сокращенно ДТС).
- Еремин И. П., *Труды отдела древнерусской литературы* т. VI, М. 1948.
- Зимин А. А., *К вопросу о тюркизмах в Слове о полку Игореве (опыт исторического анализа)*, «Ученые записки НИИ при Совете министров Чувашской АССР», вып. 31, Чебоксары 1966.
- Каракалтакско-русский словарь*, под ред. Н. А. Баскакова, М. 1958.
- Кобзев И., *Автор Слова о полку Игореве — князь Игорь*, «Литературная Россия», № 38 (818) от 22 сентября 1978 г.
- Кононов А. Н., *Тюркско-русские этимологические этюды*, в кн.: *Культурное наследие Древней Руси. Истоки, Становление, Традиции.*, М. 1976.
- Корш Ф. Е., *Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве*, «Известия Отделения Русского языка и словесности», СПб, т. VIII, кн. 4 и СПб 1906, т. IX, кн. 1.
- Казахско-русский словарь*, под ред. Г. Мусабаева, Алма-Ата 1954.
- Кулаковский Л., *Песнь о полку Игореве*, М. 1977.
- Лихачев Д. Е., *Слово о полку Игореве*, М.-Л. 1950.
- Лихачев Д. Е., *Исторический и политический кругозор автора Слова о полку Игореве*, в кн.: *Слово о полку Игореве*, М. 1950.
- Лихачев Д. Е., *Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы*, «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР», т. XVII, Лнгр. 1961.
- Малов С. Е., *Тюркизмы в языке Слова о полку Игореве*, «Известия ОЛЯ Академии Наук СССР», т. V, вып. 2, М. 1946.
- Мальсагов Д. Д., *О некоторых непонятных местах Слова о полку Игореве*, «Известия Чечено-Ингушского НИИ», т. 1, вып. 2. Языкознание, Грозный 1959.
- Мей Л. А., *Полное собрание сочинений*, т. 1, СПб, 1911.
- Мелиоранский П. М., *Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве*, «Известия Отделения Русского языка и словесности», СПб. т. VII, кн. 2, 1902; т. X, кн. 2, 1905, кн. 4, 1905.

- Менгес К. Г., *Восточные элементы в Слове о полку Игореве*, Л. 1979.
- Миллер Вс., *Хинова Слова о полку Игореве*, «Известия Отделения Русского языка и словесности Академии Наук». т. XIX, вып. II, СПб 1914.
- Монгольско-русский словарь*, под ред. А. Лувсандендэва, М. 1957.
- Нехачин Н., *Новое ядро российской истории от самой древности россиян и до дней благополучно царствующего Александра I*. Часть I-я, М. 1809.
- Новиков И., *Слово о полку Игореве и его автор*, М. 1938.
- Ногайско-русский словарь*, под ред. Н. А. Баскакова, М. 1963.
- Орлов А. С., *Слово о полку Игореве*, М. 1946.
- Попов А. И., *О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования*, в кн.: *Этимология*, 1967, М. 1969.
- Попов А. И., П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке, в кн.: *Тюркологический сборник*, 19.-, М. 1973.
- Присетков М. Д., *Троицкая летопись*, М.-Л. 1950.
- Полное собрание русских летописей*, СПб. М.-Л., т. I-IX.
- Ржига В. Ф., *Восток в Слове о полку Игореве*, в кн.: *Слово о полку Игореве (Сборник статей)*, М. 1947.
- Ржига В. Ф., *Несколько мыслей по вопросу об авторе Слова о полку Игореве*, Известия ОЛЯ АН СССР, т. XI, вып. 5, М. 1952.
- Робинсон А. Н., *Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI-XIII в.в.*, М. 1980.
- Рыбаков Б. А., *Слово о полку Игореве и его современники*, М. 1971.
- Рыбаков Б. А., *Русские летописцы и автор Слова о полку Игореве*, М. 1972.
- Сабинин С., *О происхождении наименования боярин и болярин*, «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1837, ч. 16, № 10, отд. II.
- Сидоров Н. П., *К вопросу об авторах Слова о полку Игореве*, в кн.: *Слово о полку Игореве*, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л. 1950.
- Соболевский А. И., *К Слову о полке Игореве*, Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР, 1929, т. II, кн. I.
- Стеллецкий В. И., *Слово о полку Игореве*, М. 1965.
- Стеллецкий В. И., *О черниговском происхождении автора Слова о полку Игореве*. Доклад на Черниговской Конференции 175 лет первого издания Слова, 25 VI 1975 г. (рукопись).
- Тарасов С., *Возможный автор Слова о полку Игореве*, «Новый журнал» т. XXXIV, Нью-Йорк 1954.
- Тихонравов Н., *Слово о полку Игореве*, М. 1868.

- Трутовский В. К., *Ногат, ее происхождение и ее место среди ценностей Древней Руси*, «Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Московского археологического Общества» т. 4, М. 1913.
- Федоров В. Г., *Кто был автором Слова о полку Игореве и где расположена река Каяла*, М. 1956.
- Федоров-Давыдов Г. А., *Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов*, М. 1966.
- Хакасско-русский словарь*, под ред. Н. А. Баскакова, М. 1953.
- Шиловский А. Н., *Из истории слова боярин и некоторых его производных в русском языке*, «Наук. зап. Днепропетр. ун-ту Мовознавство», Харьков 1958, т. 63, вып. 14.
- Эрдман Ф. И., *Следы азиатизма в Слове о полку Игореве*, «Журнал Министерства Народного Просвещения», часть XXXVI, 2-й отдел, СПб, 1842.
- Югов А., *Историческое разыскание об авторе Слова о полку Игореве*, М. 1945.
- Плаутин С. Н., *Слово о полку Игореве Исправленный и не исправленный тексты*, Перевод и примечания, Париж 1958.
- Baumgartenn N. D., *Généologies et mariages occidentaux des Rurik des russes*, "Orientalia Christiana", Roma 1927.
- Grousset R., *L'empire des steppes: Attila, Gengis-khan, Tamerlan*, Paris 1939.
- Grönbech K., *Komanisches Wörterbuch*, København 1942.
- Jakobson R., *Selected Writings*, IV, The Hague 1966.
- Karłowicz J., *Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia*, Kraków 1894–1905.
- Lokotsch K., *Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs*, Heidelberg 1927.
- Marquart J., *Über das Volkstum der Komanen*, Abhang. der König. Gesel. der Wissensch. zu Göttingen, Phil.-Hist. Kl. Neue Folge, XIII, 1914.
- Menges K. H., *The Oriental elements in the Vocabulary of the oldest Russian epos "The Igor's tale"*, Supplement to "Word", vol. 7, December, 1951, New-York.
- Menges K. H., *Schwierige slawisch-orientalische Lehnbeziehungen*, "Ural-Altaische Jahrbücher", XXXI, 1959.
- Németh J., *Die Volksnamen quman und qun*, "Körösi Csoma Archivum", 3, Budapest 1940.
- Németh J., *A hunok nyelve in Attila és hunjai*, Budapest 1940.
- Poppe N. Jr., *Studies of Turkic Loan Words in Russian*, "Asiatische Forschungen", 34, Wiesbaden 1971.
- Poppe N. Jr., *A survey of Studies of Turkic Loan Words in the "Slovo o polku Igoreve"*, "Central Asiatic Journal", vol. 28, 1984.

- Poppe N. Jr., *A note on Turkic Loan Words in the "Slovo o polku Igoreve" and "Zadonščina"*, "Journal de la Société Finno-Ougrienne", 79, Helsinki 1984.
- Ramstedt G. J., *Alte türkische und mongolische Titel*, "Journal de la Société Finno-Ougrienne", 55, Helsinki 1951.
- Rásonyi L., *Les noms de tribus dans le «Slovo o polku Igoreve»*, «Seminarium Kondakovianum», VIII, Praha 1936.
- Zajaczkowski A., *Związki językowe połowiecko-słowiańskie*, Wrocław 1949. Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, Ser. A, Nr 34.